

ИЗВѢСТІЯ

ПО

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХІИ,

издаваемая при журналѣ „ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА“.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Высочайшая каграда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 25 день іюля текущаго года, на награжденіе діакона церкви при С.-Петербургскомъ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, Іоанна Лаврова, за оказанные подвиги самоотверженія при спасеніи утопавшихъ, золотою и серебряною съ бантомъ медалями, съ надписью „за спасеніе погибавшихъ“, для ношенія на груди на Владимирской лентѣ.

Опредѣленія Св. Синода.

Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 22 августа 1903 года за № 7741, назначена пенсія: заштатному протоіерею С.-Петербургской Вознесенской церкви Василю Михайлов-

скому, въ количествѣ трехсотъ шестидесяти (360) рублей въ годъ, съ 23 іюня 1903 года изъ Главнаго Казначейства, и вдовѣ діакона Рыбацкой церкви, С.-Петербургскаго уѣзда, Маріи **Филомаитской**, въ количествѣ пятидесяти пяти (55) рублей 55 коп. въ годъ, съ 22 ноября 1902 года, изъ Главнаго Казначейства.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Награжденъ Его Высокопреосвященствомъ скуфьею священникъ **Усть-Введенской** церкви, Царскосельскаго уѣзда, Севастіанъ **Воскресенскій**, за примѣрно пастырскую службу, 27 августа.

Опредѣлены: на священническія вакансіи къ С.-Петербургской Митрофановско-кладбищенской церкви протоіерей церкви Св. Апостола Матеія, что на Петербургской сторонѣ Александръ **Каминскій**, согласно прошенію, 3 сентября; къ церкви Св. Апостола Матеія, что на Петербургской сторонѣ въ С.-Петербургѣ, священникъ, на псаломщической вакансіи С.-Петербургской Митрофановско-кладбищенской церкви Александръ **Петровъ**, 3 сентября; къ Знаменской (Никольской) церкви Эстонскаго прихода, въ г. Нарвѣ, діаконъ того же прихода, Константинъ **Колчинъ**, согласно прошенію, 1 сентября; на псаломщическую вакансію при церкви Императорскаго С.-Петербургскаго Театральнаго Училища, законоучитель Александро-Невской двухклассной церковно-приходской школы малолѣтнихъ пѣвчихъ Митрополичьяго хора, Михаилъ **Смирновъ**, согласно прошенію, 28 августа; просфорнями: къ Низовской Николаевской церкви, Гдовскаго уѣзда, дочь псаломщика сей церкви Ольга **Орлова**, согласно прошенію, 26 августа; къ Смѣшинской Успенской церкви, Лужскаго уѣзда, вдова псаломщика сей церкви Екатерина **Звѣрева**, согласно прошенію, 5 сентября; къ Верхутинской Троицкой церкви,

Лужскаго уѣзда, дочь умершаго псаломщика Смѣшинской Успенской церкви, того же уѣзда, Акилина **Климентова**, согласно прошенію, 5 сентября.

Назначены: законоучителями Шлиссельбургскаго 3-хъ класснаго городского училища священникъ Шлиссельбургскаго Благовѣщенскаго собора, Александръ **Зосимовскій**, 25 августа; С.-Петербургскаго Никольскаго 2-хъ класснаго женскаго приходскаго училища причисленный сверхштата къ С.-Петербургской Входеоіерусалимской Знаменской церкви священникъ Іоаннъ **Сарвъ**, 3 сентября.

Перемѣщены псаломщики церкви при Императорскомъ посольствѣ во Флоренціи Сергѣй **Гумилевскій** и Римской посольской церкви Адрианъ **Харкевичъ**, одинъ на мѣсто другого, 28 августа.

Утверждены помощниками благочиннаго: 4-го Новоладожскаго округа и членами мѣстнаго благочинническаго Совѣта—священники: Пашской церкви, Новоладожскаго уѣзда, Константинъ **Лебедевъ** и Лунгачской церкви, того же уѣзда, Андрей **Кедровъ**, 3 сентября; законоучителями: Новоладожскаго приходскаго Министерскаго училища — священникъ Климентовской церкви г. Новой Ладogi, Виссаріонъ **Воробьевъ**, съ 1 сентября, и школы приходскаго попечительства, при Фарфоровской Преображенской церкви, С.-Петербургскаго уѣзда, священникъ той же церкви Николай **Положенскій**, 5 сентября; Балтійской земской народной школы, С.-Петербургскаго уѣзда, священникъ С.-Петербургской Гутуевской Богоявленской церкви Іоаннъ **Троицкій**, 25 августа; составы приходскихъ попечительствъ при Смоленской пригородной церкви, подъ предсѣдательствомъ инженеръ-технолога А. А. **Прево**, 25 августа; при Георгіевской церкви, Лужскаго уѣзда, подъ предсѣдательствомъ Глѣбовскаго Волостнаго Старшины, крестьянина дер. Ольховецъ Андрея **Кондратьева**, 5 сентября; при Музовѣрской церкви, Гдовскаго уѣзда, подъ предсѣдательствомъ проживающаго въ деревнѣ Потесѣ

крестьянина Спицинской волости Ивана **Михайлова**, 3 сентября; въ должности старостъ: къ церкви дома прирѣвнїя престарѣлыхъ бѣдныхъ женщинъ графа Кушелева-Безбородко, на Малой Охтѣ, крестьянинъ Иванъ **Лебедевъ**, на 2-е трехлѣтіе, 2 сентября; къ церквамъ Лужскаго уѣзда:—къ Перечицкой—Георгіевской Лужскій мѣщанинъ Михаилъ Іоанновъ **Абрамовъ**, на 1-е трехлѣтіе, къ Чупрово-Горской Параскевинской—Лужскій мѣщанинъ Филиппъ **Филипповъ**, на 3-е трехлѣтіе, и къ Заянской Николаевской церкви, Гдовскаго уѣзда, крестьянинъ Василій **Федоровъ**, на 5-е трехлѣтіе, 5 сентября; къ Маслогостицкой Николаевской церкви, Гдовскаго уѣзда, крестьянинъ Федотъ **Егоровъ**, на 2-е трехлѣтіе, 1 сентября; къ Сосѣдненской Введенской церкви, Лужскаго уѣзда, крестьянинъ Іосифъ **Ивановъ**, на 2-е трехлѣтіе, 1 сентября.

Уволены: за штатъ протоіерей С.-Петербургской Митрофановско-кладбищенской церкви Феодоръ **Лукинъ**, согласно прошенію, 3 сентября; отъ должности псаломщика при Рѣдкинской церкви, Ямбургскаго уѣзда, Алексѣй **Ловзанскій**, согласно прошенію, 27 августа; отъ должности просфорни Смѣшинской Успенской церкви, Лужскаго уѣзда, вдова псаломщика сей церкви Анастасія **Перечицкая**, согласно прошенію, 5 сентября; въ отпускъ: священникъ Александро-Невской церкви, что при С.-Петербургской тюрьмѣ, Леонидъ **Богоявленскій**, съ 31 августа по 13-е сентября.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Изъ недавняго прошлаго.

Надолго памятными останутся въ русскомъ народѣ тяжелые годы холерной эпидеміи, которая разыгралась и сильно свирѣпствовала у насъ почти повсемѣстно въ началѣ 90-хъ годовъ, теперь уже прошлаго, XIX столѣтія. Это было мрачное время для Россіи... Населеніе, охваченное страшной тревогой, переживало крайній упадокъ духа... Замолкла веселая пѣсня... Всюду царила мертвая, душу гнетущая тишина. Только развѣ чей-либо скорбный вздохъ, сорвавшись съ разбитаго горемъ и страданіемъ сердца, нарушалъ вдругъ ее...

„Я помню страшную, тяжелую годину:
Плачь женъ, дѣтей, отцовъ, и общую кручину,—
Какъ будто звѣрь какой ходилъ по деревнямъ“...
Въ то время лѣто все прошло безъ пѣсень,—
И даже я, ребенокъ, былъ не веселъ“...

Дѣйствительно, давящая тоска наложила печать унынія и скорби на все: не только на наши бѣдныя деревни, но и на большіе, шумные города... Всюду чувствовалась глухая, скрытая тревога, которая по мѣстамъ пріобрѣтала болѣе острый характеръ и разрасталась въ общую панику. А между тѣмъ болѣзнь, быстро охвативъ приволжскія губерніи, грозила разлиться губитель-

нымъ потокомъ по всему пространству нашей центральной Россіи. Страшные призраки смерти и невыносимыхъ страданій витали надъ приунывшей страной... А это еще болѣе усиливало опасность и затрудняло успѣхъ борьбы съ ней. Но, какъ всегда въ тяжелыя годы народной жизни, такъ и теперь, возстали изъ среды самого же народа великіе герои духа, которые безтрепетно шли спасать Русь уже не „отъ труса, потопа, огня, меча, нашествія иноплемениковъ и междоусобныхъ брани“, а отъ язвы морового повѣтрія, которое, какъ свинцовая туча, грозно надвигалось на русскую землю. „Тяжелое было время для Россіи,—вспоминаетъ объ этихъ годахъ, одна женщина-врачъ, долго и самоотверженно работавшая въ глухомъ захолустѣ Самарской губерніи, гдѣ холерная эпидемія приняла особенно широкіе размѣры... Но въ то же время это была и во многихъ отношеніяхъ плодотворная пора. Въ обществѣ подъемъ духа былъ необыкновенный. Я говорю о молодежи и о той части интеллигентнаго общества, гдѣ пожилые люди и даже старики сумѣли сохранить живыя струны въ душѣ. Такія времена даютъ мѣрку человѣка и общества. Случалось мнѣ видѣть тогда людей, бросавшихъ все, что обѣщало имъ выгоды, чтобы идти на помощь страдающимъ отъ эпидеміи. Хотя нашелся и такой врачъ, который заявилъ мнѣ, что онъ отправится на борьбу съ холерой только тогда, когда по двѣ тысячи рублей будутъ платить въ мѣсяцъ“¹⁾.

Дѣйствительно, народное горе больно ударило по живымъ, не утратившимъ чувства сердцамъ. Оно пробудило, вызвало наружу все великое, святое, благородное, что въ обыкновенное время такъ незримо таилось и глубоко зрѣло въ чистомъ родникѣ каждой великой души. И вы-

---

¹⁾ Русское Богатство. 1903. № 7, стр. 122.

шли, показались на свѣтъ Божій, точно богатыри древнерусскіе, могучіе носители великой нравственной силы и лучшихъ завѣтовъ своей родины, и неудержимо ринулись на дѣло неизмѣримаго подвига любви... Такими людьми никогда не оскудѣвала св. Русь,—и они всегда составляли тайну ея внутренней силы и мощи...

„Какъ маяки въ пустынь водной
Намъ лучезарныя сердца
Роняютъ смѣло свѣтъ свободный
Во тьму ничтожества и зла.
И жизнь бы холодомъ знобила,
И жизнь бы ложью насъ томила,
Какъ скучной сказкой безъ конца,
Когда-бъ не грѣли насъ лучами,
Когда-бъ не бились рядомъ съ нами
Другія,—добрыя сердца!“

Вотъ такія-то добрыя сердца безъ колебанія, безъ думы, рѣшительно и твердо, точно солдаты на бой, пошли на борьбу съ эпидеміей, бросились въ самый огонь ея,—туда, куда звала ихъ прежде всего чуткая совѣсть и святой, безкорыстный порывъ. И началась работа, великая работа, въ которой труженики не знали отдыха, забывали себя, собственную безопасность, а видѣли только неисходную нужду да горе народное и готовы были всякую минуту растворять свои слезы со слезами страждущихъ и несчастныхъ...

Тяжесть работы увеличивалась, часто дѣлалась непосильной, когда приходилось сталкиваться съ безпросвѣтнымъ невѣжествомъ и темнотой нашей деревни. Совершенно неподготовленные къ правильной борьбѣ съ заразой крестьяне никакъ не могли понять значенія многихъ распоряженій, выходившихъ отъ лицъ медицинскаго персонала. Ихъ они толковали по своему, въ невыгодную для себя сторону, бессмысленно заподозривая докторовъ въ намѣреніи вытравить все населеніе Рос-

си. Къ сожалѣнiю, этому много способствовало и поведенiе нѣкоторыхъ, правда не многихъ, дѣятелей санитарной армiи, которые пошли на это дѣло не изъ-за идеи, а ради „сквернаго прибытка“. Въ результатѣ, родилось народное недовольство, которое росло и сначала клокотало, скрываясь внутри; но наконецъ не выдержало и приняло тревожный и бурный характеръ.

По мѣстамъ, оно прорвалось безпорядками, завершившимися звѣрской расправой крестьянъ съ докторами. Но въ большинствѣ случаевъ этотъ бурный потокъ народнаго волненiя былъ остановленъ и, готовый разлиться страшнымъ наводненiемъ, умѣло былъ введенъ въ свои берега. Главная заслуга здѣсь принадлежитъ нашему православному духовенству. Тутъ оно выступило во всемъ величii и мощи своего нравственнаго влiянiя на народъ... Не даромъ же наше многострадальное духовенство на своей груди выносило, вскормило и вспоило духовную силу народную, заложивъ въ нее несокрушимыя начала вѣры; не даромъ оно выпѣствовало русскiй народъ, чрезъ всѣ вѣка пронесши для него нетронутыми православно-русскiе идеалы жизни! Духовенство всегда жило бокъ о бокъ съ народомъ, дышало одной съ нимъ нравственной атмосферой и научилось понимать его такъ, какъ никто понять его не можетъ. И голосъ пастырей знакомъ овцамъ издавна. Учительная сила его и доселѣ еще властвуетъ надъ стадомъ народнымъ... И доселѣ еще, по Евангельскому изрѣченiю, есть пастыри, голоса которыхъ слушаются овцы; и такой пастырь „зоветъ своихъ овецъ по имени и выводитъ ихъ; и когда выведетъ своихъ овецъ, идетъ передъ ними; а овцы за нимъ идутъ, потому что знаютъ голосъ его“ (Ев. Иоан. 10, 3—4).

Какъ бы живой иллюстрацiей къ этимъ евангельскимъ словамъ мнѣ вспоминается сейчасъ дѣйствительный фактъ, который служитъ яркимъ примѣромъ такого по-

корнаго послушанія паствы своему пастырю,—случай, имѣвшій мѣсто именно въ тяжелую годину послѣдней холерной эпидеміи.

Я былъ тогда семинаристомъ и проводилъ лѣтнія каникулы въ деревнѣ, въ домѣ отца... Въ нашемъ селѣ пока все было спокойно. Правда, и къ намъ доносились слухи о надвигающейся грозѣ,—но особенной тревоги они пока не возбуждали.

Только наша семья чутко прислушивалась къ вѣстямъ, которыя шли изъ неблагополучныхъ мѣстностей и особенно оттуда, гдѣ жили наши родные.

И вотъ, помню, однажды, позднимъ вечеромъ намъ подали письмо. Оно было отъ дяди, въ приходѣ котораго давно уже свирѣпствовала эпидемія. Невольный трепеть охватилъ насъ всѣхъ. „Все-ли благополучно? Не заглянулъ-ли ангелъ смерти и въ родственную намъ семью?“—Эта мысль, не высказанная, но глубоко за-таенная въ сердцѣ, была общей у каждаго изъ насъ... Но, слава Богу! Въ домѣ дяди всѣ были здоровы... Однако, письмо рисовало предъ нами такія мрачныя, такія тяжелыя картины, что невольно, при чтеніи его, сердце сжималось отъ боли... Въ то же время въ душѣ поднималось и другое чувство, — чувство гордости и удовлетворенія за нравственное достоинство и силу нашего духовенства.—„Господь послалъ мнѣ и всей моей паствѣ тяжелое испытаніе,—писалъ намъ дядя... Смерть, не разбирая возраста, беспощадно косить направо и налево. Мрутъ старые, мрутъ молодые, вымираютъ многія семьи, опустошаются дома и даже цѣлыя деревни... Конечно, прислали врачей и сидѣлокъ, отстроили баракъ. Я каждый день обхожу село и убѣждаю крестьянъ не скрывать своихъ больныхъ, а отвозить ихъ въ баракъ. Тамъ, моль, и уходъ хорошій, и чистота, и всѣ приспособленія для больныхъ... Ну,—начали слушаться. Заболить кто-нибудь,—его домашніе ужъ не дожидаются,

когда я или фельдшеръ увидитъ, а сами идутъ и просятъ помѣстить больного въ баракъ... Все шло по хорошему. Но вотъ наше горе, вотъ наша бѣда. Люди идутъ народу служить, а его психологіи понять не хотятъ, его убѣжденій святыхъ, исконно-русскихъ не уважаютъ...

Понаѣхали къ намъ, лѣчить народъ все люди молодые, горячіе, можетъ быть и честные, но вѣрящіе только въ свою правду, а не въ правду Божію... Народъ видитъ, съ какимъ пренебреженіемъ они относятся ко всѣмъ православно-русскимъ обычаямъ, слышитъ ихъ вольныя рѣчи и смущается...

— Что они, басурмане, что-ли? И предъ иконой святой своихъ шапокъ не ломаютъ... Батюшка съ Причастіемъ идетъ, а они папироски тутъ курятъ,—толковали въ народѣ. И съ каждымъ днемъ довѣріе къ дѣятелямъ санитарнаго отряда подрывалось все болѣе и болѣе. Ихъ стали подозрѣвать въ измѣнѣ всему русскому, въ тайномъ сочувствіи иностранцамъ...

Смута въ народѣ росла. Стали поговаривать, что доктора подсланы англичанкой морить русскую силу, дабы ей можно было легче овладѣть Россіей... Шальная искра попала въ бочку пороху,—и взрывъ былъ неизбеженъ.

Однажды вечеромъ, весь блѣдный, съ перекошеннымъ отъ испуга лицомъ, прибѣгаетъ ко мнѣ фельдшеръ.

— Батюшка! бунтъ... бѣда... Толпа подступила къ бараку, хочетъ его разносить... Грозитъ и съ нами закончить безъ лишняго слова... Тамъ всѣ заперлись, дрожать... Барышни плачутъ... А студенты покричали, покричали, а потомъ, когда кто-то изъ толпы пустилъ въ нихъ камнемъ,—струсили и они... Тутъ вспомнили о васъ и послали меня скорѣе за вами... Я вышелъ съ задняго крыльца, да кое-какъ ужъ ползкомъ незамѣтно и пробрался къ вамъ. Спасите, батюшка! На васъ одна надежа...

Фельдшеръ былъ жалокъ. Лицо его выражало неподдѣльный ужасъ, и мнѣ невольно припомнилась сцена изъ Тараса Бульбы, когда у ногъ его затравленный казаками Янкель искалъ себѣ защиты...

Но время терять было нельзя. На случай захвативъ съ собой св. дары, я отправился къ бараку. Фельдшеръ жался ко мнѣ, дрожалъ и держался за мою рясу...

Дѣйствительно, лишь только мы вышли за околицу, какъ до насъ сталъ доноситься глухой шумъ... То рокотала толпа... Чѣмъ ближе мы подходили, тѣмъ явственнѣе раздавались угрозы, направленные по адресу скрывшихся въ баракъ врачей... Толпа гудѣла, точно растревоженный улей, но, замѣтивъ меня, стала понемногу стихать. А когда я подошелъ почти къ самому бараку, то все какъ будто замерло и притаилась. Головы обнажились. Я окинулъ взоромъ толпу; на меня смотрѣли все знакомыя мнѣ, простодушныя лица моихъ прихожанъ. Но теперь они пылали гнѣвомъ.

— Батюшка! вдругъ выступилъ изъ толпы съ обнаженной, бѣлой, какъ лунь, головой старикъ Оедось... Что-жъ: помирать намъ приходитъ? Вотъ травители пріѣхали... Капканъ этотъ,—показывая на баракъ, говорилъ мужикъ,—поставили, да православныхъ всѣхъ въ эту ловушку и таскаютъ... А ты ихъ покрываешь, говоришь, что мы должны ихъ слушать...

— Кто ихъ будетъ слушать?!—съ азартомъ заговорилъ другой мужиченко, въ рваной шапченкѣ, съ испитымъ лицомъ и впалой грудью...—Одно слово,—раскидать ихъ берлогу по бревнышку, а самихъ перебить... Будетъ имъ издѣваться надъ православными!!!

Толпа опять загудѣла; мощный аккордъ ропота и негодованія пронесся надъ ней...

Я сознавалъ всю отвѣтственность и опасность настоящей минуты... Въ головѣ роились какіе-то безсвязные обрывки мыслей, которыя я рѣшительно не въ состояніи

быль связать во что нибудь убѣдительное, законченное, цѣлое... Но надо было говорить. Народъ стоялъ въ раздумѣ, — тяжело, мучительномъ и гнѣвномъ раздумѣ, — и, повидимому, ждалъ отъ меня слова... И я чувствовалъ всю необходимость властно и рѣшительно захватить сейчасъ всю эту толпу въ свои руки, подчинить бѣненіе ея лихорадочнаго пульса какому либо отрезвляющему, нравственному мотиву... Моя мысль невольно обратилась къ Богу: Боже, помоги, — вздохнулъ отъ души я... и... началъ...

Я заговорилъ о томъ, что всего дороже должно быть для христіанскаго сердца: я заговорилъ о Спасителѣ и Его великихъ завѣтахъ. Вся Его жизнь была служеніемъ мира и кротости... Онъ „трости надломленной не сломилъ, льна курящагося не угасил“. Заушаемый и оплеванный Онъ молчалъ. Оскорбляемый даже въ мукахъ Своихъ, Онъ возносилъ молитвы за своихъ мучителей! „Взявшіе мечъ, мечомъ и погибнуть“, — изрекъ Онъ не въ мѣру усердному Петру... Не насиліемъ, не дикой расправой, а богатствомъ вѣры и любви завѣщалъ Онъ насаждать истину въ сердцахъ людей...

— А мы—не ученики-ли Его? Неужели же мы ложно носимъ имя христіанское?! Неужели кольями и кулаками мы будемъ свидѣтельствовать свою вѣру?

И противъ кого вы хотите направить свой гнѣвъ? Противъ тѣхъ, кто не смотря на опасность, идетъ служить нашимъ больнымъ и цѣлить ихъ недуги? Гдѣ-же благодарность, гдѣ христіанская признательность, гдѣ завѣтъ апостольскій: „знайте труждающихся у васъ о Господѣ?“

Вамъ не нравится поведеніе нѣкоторыхъ молодыхъ врачей? Вы считаете ихъ безбожниками... Но развѣ угрозой и насиліемъ надо пробуждать въ сердцахъ чловѣка забытую вѣру?! Представьте же себѣ, что Хри-

стость, Нашъ божественный Учитель, сейчасть, невидимо, витаеть здѣсь, надъ этой многолюдной толпой... Онъ простираеть къ намъ Свои пречистыя руки, съ кровавыми язвами гвоздинными на нихъ и какъ бы говоритъ: смотрите, — страданіемъ и кротостью я переродилъ и искупилъ весь міръ... Только кроткая, мирная сила есть дѣйствительно творческая сила... Только она побѣждаетъ и спасаетъ... Только она является источникомъ всякаго блага. „Взявшіе же мечъ — мечомъ и погибнуть!“

Братья и други! вѣрьте мнѣ... Эти люди, прибывшіе служить къ намъ, добра намъ желаютъ, хотя, по собственной челоуѣку немощи, и соблазняютъ иногда васъ своимъ грѣхомъ, своимъ поведеніемъ. А кто изъ насъ безъ грѣха? „Кто ты, судяй брату своему?“ Кто же рѣшится первымъ бросить камень?..

Толпа молчала. Только слезы, застилавшія многимъ глаза, говорили о томъ, что злоба и гнѣвъ начали таять... О ты, сердце народное, русское! Золотое ты сердце! И какъ должны отвѣтить предъ Богомъ тѣ самозванные вожди, которые „сами отъ себя приняли честь учительства“ и теперь отравляютъ эту святыню народную,—простое, доброе, русское сердце, ядомъ сомнѣнія и всякихъ лжевѣрій... И хочется имъ крикнуть: побойтесь Бога! Не грязните своими нечистыми руками, своими непровѣренными, съ вѣтру схваченными идеями этого сокровища,—чистой богатой русской души... „Русскій народъ богоносецъ!“ Эти слова нашего родного великаго писателя—сама истина... Пусть же русскій народъ и носитъ постоянно Бога въ своей душѣ... Не дѣлайте изъ его сердца кумирни... Не вносите туда идоловъ... Не заставляйте его обоготворять страсти и преклоняться предъ ними...

Убѣжденные моимъ искреннимъ, отъ души сказаннымъ словомъ, крестьяне спокойно разошлись по своимъ

домамъ... Врачебная армія свободно вздохнула... У всѣхъ отлегло отъ сердца и, дивное дѣло,—даже молодые медики—студенты стали относиться ко мнѣ съ этого дня почтительнѣе, а въ ближайшее воскресенье я увидаль ихъ даже въ церкви...“ Это письмо дяди на всѣхъ насъ произвело сильное впечатлѣніе. Особенно оно тронуло меня. Я и раньше слыхаль, какъ священники своимъ вліяніемъ на народъ предотвращали волненія и даже цѣлые бунты... Но все это мнѣ представлялось совершающимся гдѣ-то далеко, какъ въ сказкѣ: „за горами, за долами“, гдѣ и батюшки то иные, да и народъ совершенно другой... Здѣсь же во всемъ нравственномъ величіи своего сана предо мной выступаль мой родной дядя... Я мысленно представляль себѣ его высокую, сановитую фигуру среди бурлившей, клокотавшей, какъ море, толпы и проникался невольнымъ къ нему уваженіемъ...

Но единичный ли это фактъ? Прямымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ пусть послужать слѣдующія строки, которыя мы выписываемъ изъ воспоминаній женщины-врача о своей командировкѣ на холеру. Это—человѣкъ по отношенію къ духовенству посторонній и слѣдовательно, совершенно безпристрастный.

„Въ Большую Кандалу, пишетъ она, мы прибыли часамъ къ девяти вечера и подѣхали прямо къ дому священника. Тамъ мы едва достучались и, если бы знали, что батюшкѣ пришлось встать съ постели для того, чтобы принять насъ, то отложили бы свое посѣщеніе до слѣдующаго утра. Но, какъ бы то ни было, священникъ приняль насъ очень ласково, шутя обозваль полунощниками, напоиль чаемъ съ душистымъ, медомъ и посовѣтоваль отложить всѣ дѣла до утра, а теперь лечь спать и отдохнуть съ дороги. Намъ, однако, не удалось исполнить батюшкинъ совѣтъ. Какъ только мы водворились на взѣзжей, къ намъ началъ идти на-

родъ съ требованіемъ навѣстить больныхъ. Мы, конечно, тотчасъ пошли; всѣ тѣ больные, которыхъ я увидѣла, были въ агоніи: одна старуха даже при мнѣ и умерла. Мы вернулись часовъ въ шесть утра и легли отдохнуть часа на два, послѣ чего принялись за лѣченіе амбулаторныхъ больныхъ, которыхъ уже нѣсколько десятковъ сидѣло на крыльцѣ и подъ окнами взвѣзжей. Отпустивъ ихъ, мы снова отправились къ тѣмъ больнымъ, которые были слишкомъ слабы, чтобы придти къ намъ.

Въ это утро батюшка навѣстилъ насъ и° сообщилъ, что противъ насъ происходитъ „бунтъ на задворкахъ, какъ онъ выразился: „мужики галдятъ, стучать батогами по землѣ и хотятъ требовать вашего отъѣзда...“ „Но я съ ними по своему поговорилъ“, прибавилъ онъ: „они здѣсь у насъ народъ не худой и дѣло обойдется... А вы работайте себѣ, какъ вамъ совѣсть велитъ и въ усъ не дуйте... Напуганы они очень болѣзнию... Вчера у меня въ церкви четырнадцать гробовъ было... Ну, сегодня будетъ не болѣе четырехъ или пяти...“

Мы такъ и поступили, и все обошлось даже лучше, чѣмъ мы могли ожидать“ 1).

Но если такъ вліятеленъ и авторитетенъ былъ голосъ священника въ приходахъ съ кореннымъ русскимъ, православнымъ населеніемъ,—то этого нельзя было сказать про тѣ приходы, которые состояли преимущественно изъ инородцевъ, хотя и крещенныхъ въ православную вѣру, но еще не успѣвшихъ, такъ сказать, христіанизировать своихъ понятій, вѣрованій и вообще всей своей бытовой обстановки. Тамъ, въ тревожное время холерной эпидеміи батюшкѣ приходилось переживать, наряду съ другими, тяжелые моменты, риско-

---

1) Русское Богатство. 1903, № 8, стр. 54—55.

ванные положенія. Надо было имѣть много нравственнаго мужества, вѣры въ святость своего призванія, чтобы безтрепетно переносить ихъ...

Вотъ какъ рисуется положеніе священника въ такомъ приходѣ тотъ же авторъ воспоминаній.

„Снова прошелъ слухъ объ эпидеміи въ Красной Рѣкѣ, и мнѣ пришлось опять съѣздить туда, чтобы убѣдиться, что тамъ холеры на этотъ разъ и вовсе нѣтъ. Благодаря этому, мое посѣщеніе ограничилось тѣмъ, что я два часа провела у священника, который много рассказалъ мнѣ о мордовскихъ обычаяхъ и суевѣріяхъ и объ отношеніи этихъ инородцевъ къ эпидеміи и къ посылаемой имъ медицинской помощи.

Лѣчиться ихъ можно было уговорить только съ трудомъ; дезинфекцію они никакъ не могли взять въ толкъ и сильно противились ей, но заболѣваній страшно боялись и, несмотря на то, что были крещены въ православную вѣру, приносили жертвы своему богу Керемету, моля его избавить ихъ отъ злой напасти. При этомъ не обходилось безъ колдовства, заклинаній и заговоровъ. Батюшка однако не могъ мнѣ въ точности передать, въ чемъ заключалось колдовство, такъ какъ все это совершается въ величайшей тайнѣ.

Вспомнился мнѣ при этомъ одинъ любопытный, относящійся сюда случай, происшедшій, по словамъ краснорѣченскаго священника, въ одномъ изъ сосѣднихъ приходоѡ. Умеръ богатый мордвинъ отъ холеры. Его похоронили по обряду православной церкви, какъ слѣдуетъ, и, по обычаю, устроили поминальный обѣдъ, на который приглашенъ былъ и священникъ съ причтомъ. Священникъ, зная неопрятность инородцевъ и будучи въ домѣ холернаго, благословилъ трапезу, но отказался принять въ ней участіе. Тогда вся семья покойника начала его упрашивать отвѣдать хоть одинъ блинокъ; просили, кланяясь въ ноги, со слезами. Священнику

даже совѣстно стало за свой отказъ, которымъ онъ вызвалъ такія униженныя и горячія мольбы и, хотя ему было очень непріятно ѣсть что-нибудь въ этомъ домѣ, однако, онъ съѣлъ поданный блинъ. Тогда вся семья опять бросилась ему въ ноги; со слезами благодарности ему цѣловали руки и края рясы.

— Да что же я такое особенное сдѣлалъ?—сказалъ онъ уже совершенно смущенно: за что же вы такъ меня благодарите... Не хотѣлъ сначала ѣсть блина, а потомъ съѣлъ,—только и всего!..

— Да какъ же не благодарить, батя,—вѣдь у насъ теперь хвори и совсѣмъ больше не будетъ...

— Какъ? Отчего больше не будетъ?

— Да какъ же? Вѣдь мы тебѣ такой блинъ дали, чтобы хвори не было... У насъ такая примѣта: тотъ блинъ сутки у покойника на лицѣ пролежалъ!..

Предоставляю читателю вообразить, что почувствовалъ батюшка. Прибавлю только, что онъ холерой не заболѣлъ и живъ остался“.

Вообще, священникамъ въ это печальное время приходилось очень трудно... Если еще для дѣятелей санитарнаго отряда, получавшихъ повышенное содержаніе, не существовало вопроса о насущномъ кускѣ хлѣба, то для духовенства никогда онъ такъ не обострялся, какъ теперь.

Извѣстно всѣмъ, что матеріальное положеніе священника всецѣло зависитъ отъ состоянія его приходжанъ... Бѣднѣютъ они, бѣднѣетъ и ихъ паства... А что могла дать своему батюшкѣ несчастная паства, изъ которой смерть безпощадно вырывала съ каждымъ днемъ все новыя и новыя жертвы?! Часто гибли лучшія силы деревни, кормильцы и поильцы семьи. А нищенствующій священникъ долженъ былъ стоять постоянно на стражѣ своего пастьорскаго подвига, забывая при одрѣ

умирающаго и собственную безопасность, и безопасность семьи...

Къ тому-же, выступая всегда защитниками распоряженій неумѣвшихъ внушить къ себѣ довѣрія врачей, священники не рѣдко навлекали и на себя невыгодныя подозрѣнія со стороны народа.

„Ихъ подозрѣвали въ томъ, пишетъ г. Паевская, что они, вмѣстѣ съ господами, стоятъ за „англичанку“ и ея коварный планъ погубить „хворью“ всю ту часть русскаго населенія, которая способна защищать отечество отъ иноземныхъ нашествій. Про нихъ говорили, что они даютъ холеру въ причастіи... Впрочемъ, рассказчикъ или рассказчица всегда прибавляли: „конечно, *нашъ* батюшка этого не дѣлаетъ“.

А одному священнику крестьянинъ прямо въ лицо сказалъ:

— Правда-ли, батюшка, одна баба мнѣ говорила, что ты въ причастіи холеру даешь?

— А я вотъ слышалъ, что ты человѣка на большой дорогѣ зарѣзалъ и ограбилъ...—возразилъ батюшка.

— Что-ты, батька!—возмутился крестьянинъ:—развѣ я душегубъ какой? напрасно ты меня обижаешь!

— А какъ же ты меня, отца своего духовнаго, подозреваешь въ томъ, что я людей отравляю... Вѣдь ты меня больше обидѣлъ, чѣмъ я тебя, ибо я лицо духовное...

— Прости меня, Христа ради, батюшка!.. Вѣдь не я говорю... люди болтаютъ.

— И тотъ дуракъ, кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ! отвѣчалъ батюшка, отъ котораго я слышала всю эту исторію.

Новиковскій священникъ рассказывалъ мнѣ, что какъ только прошелъ слухъ о холерѣ, то къ нему явились ходоки отъ міра, и одинъ изъ нихъ, показывая ему хорошо отточенный топоръ, сказалъ:—„Вотъ что, батя; про вашего брата говорятъ то и се: какъ вы съ госпо-

дами да съ „англичанкой“ холеру въ народъ пушчете... Такъ помни вотъ что: если у насъ хоть одинъ чело-вѣкъ въ Новиковѣ умретъ отъ проклятой хвори, то и тебѣ живу не быть... Такъ и знай, и устраивай, чтобы мы живы и здоровы были!

— Можете представить мое положеніе,—прибавлялъ батюшка:—что я могъ сдѣлать? Только молиться объ этихъ несчастныхъ, о моей семьѣ и о себѣ... И вотъ, вы сами знаете, на мое счастье, ни одного холернаго случая въ Новиковѣ не было“ ¹⁾.

Такимъ тяжелымъ испытаніемъ были для нашего духовенства годы холерной эпидеміи. Но оно, вѣрное своему долгу, терпѣливо и стойко вынесло ихъ. Въ то время, какъ другіе бѣжали изъ зараженныхъ мѣстностей, переѣзжая изъ города въ городъ, а если и шли на борьбу съ холерой, то часто за повышенное содержаніе и оклады,—наше православное духовенство, нищенствуя само, всетаки служило своему бѣдному народу,—тому народу, съ которымъ оно построило русскую землю и дѣлало ея исторію. Такъ оно всегда стояло близко къ своей паствѣ, радовалось ея радостями, но и горевало однимъ съ нимъ горемъ.

П. А. Чаадаевскій.

---

¹⁾ Русское Богатство, 1903. № 8, стр. 52—53.

Что говорятъ прихожане ¹⁾.

(Наброски съ натуры).

V.

Безприходные.

Только что затеплились покраснѣвшія верхушки деревьевъ отъ лучей восходящаго солнышка. На опушкѣ лѣса изъ старой водомоины вышелъ заспанный со всклокоченной головой человѣкъ, у котораго, вмѣсто одежды, висѣли на плечахъ какіе-то грязные лохмотья. Онъ какъ-то вздрогнулъ, съежился и потянулся, оборотаясь лицомъ къ все болѣе и болѣе разгоравшемуся востоку.

— А—а!—крякнулъ онъ съ видимымъ предвкушеніемъ удовольствія:—солнышко!.. Скорѣе-бы оно выползало... Ночь-то, того... была холодновата...

При этихъ словахъ онъ повернулъ голову и заглянулъ въ водомоину, изъ которой вылѣзъ. Оттуда слышался сиплый голосъ:

— Ванька, иди, скорѣе, а то помру... слышь? иди скорѣй... мочи моей нѣту... Дыханію конецъ...

— Не пойду,—отчаянно махнувъ рукой, отвѣчалъ Ванька и опять повернулся къ солнцу.—Я самъ иззябъ, какъ собака..

— Пойди, — продолжалъ умолять голосъ изъ водомоины,—пойди... мнѣ хоть-бы каплю... въ горлѣ промочить...

---

¹⁾ Не слѣдуетъ все описываемое и затрагиваемое въ нашихъ наброскахъ относить исключительно къ С.-Петербургской епархіи: мы дѣлимся съ читателемъ нашими наблюденіями, полученными въ разныхъ концахъ отечества. Но первенство въ данномъ случаѣ принадлежитъ всетаки мѣстной епархіи.

— Ходилъ вѣдь вчера—ничего не вышло... Пропали они совсѣмъ... Просилъ, на колѣни становился... „Дайте, говорю, окаянные, хотя полмерзавца; человѣкъ, говорю, лежить въ полѣ, пропадаетъ ни за грошъ“... Такъ они гогочутъ какъ жеребцы, и больше ничего!.. Я ихъ ругалъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, и ушелъ... „Грабители вы, говорю, а не торговцы!.. Вы только, говорю, своею винопольею людей спаивать умѣете, а къ спасенію ближняго у васъ сердце не способно!“ И еще хлеще того пустилъ имъ причту, даже носами закрутили, анаемы!.. Хоть и вытолкали меня... Ну такъ за то и я имъ выпалъ словесности!..

— Ты-бы еще къ батюшкѣ зашелъ... къ фершалу... може-бъ капель капить...

— Всѣхъ обходилъ... Фершалъ къ лѣшему послалъ... Прочіи всѣ тоже съ ругательствами да насмѣшками... „Много, говорятъ, нынче этой босой команды развелось...“ На базарѣ хотѣлъ булку стянуть... побили анаемы... Городовой хотѣлъ въ участокъ забирать, такъ я его всѣми святыми насилу умолилъ; отпустилъ, только сказалъ, чтобъ моя нога не была въ городѣ...

— А батюшка?..

— А къ нему я особымъ манеромъ подлазилъ... не перехитрить!.. „Вотъ, говорю, жена померла, нечѣмъ похоронить, и дѣти малолѣтніе остались“ и прочее... Онъ смѣрялъ меня глазами, усмѣхнулся и спрашиваетъ:

— Ты что за птица? откуда залетѣла?

Я запутался. Сперва назвалъ какое-то село, а потомъ другое.

— Стало быть, не моего прихода?—спрашиваетъ.— Ну, такъ чѣго же и лѣзешь ко мнѣ; иди въ свой приходъ..

Тутъ я прикусилъ свой языкъ, думаю: „зачѣмъ вралъ? было-бъ рѣзать напрямикъ“. А потомъ и говорю:

— Я безприходный... Это я навралъ... прошу извиненія...

— А коли навралъ, такъ убирайся туда, откуда пришелъ по добру-по-здорову: у насъ тутъ очень много безприходныхъ шляется, и часто вещи пропадаютъ... Акулина,—сказалъ онъ прислугѣ:—дай этому безприходному пирогъ, и пусть скорѣй уходитъ.

Я взялъ пирогъ и ушелъ.

— О-охъ!.. Смерть моя приходитъ... О-охъ!.. Конецъ!.. Безприходные... безпріютные... босая команда!.. О-охъ!.. А почему?..

— То-то и я хотѣлъ сказать: а почему мы безприходные?..

Солнце все разгоралось, и разгоралось. Тепла въ воздухѣ все прибывало. Воробьи и дрозды большими стаями, весело чиликая, разлетались съ ночлега по скошеннымъ полямъ и огородамъ. Чуть слышно, гдѣ-то далеко-далеко гудѣлъ утренній благовѣстъ. Изрѣдка едва доносится не то паровозный, не то пароходный свистокъ...

— Вотъ, воробьи и дрозды и всякая птица имѣютъ свои, къ примѣру, приходы вспорхнули—и полетѣли на дневной трудъ, на дневное пропитаніе всѣмъ приходомъ,—продолжалъ разсуждать оборванецъ, грѣясь на солнцѣ и изрядка заглядывая въ водомоину.—Звѣри и тѣ причисляются каждый въ свою статью,—а мы, братъ, съ тобою окончательно пропащія насѣкомыя... Тебѣ вотъ конецъ приходитъ, и я, пожалуй, долго не проваландаюсь... Ты умрешь, а я пойду на преступленіе—и ка-путъ мнѣ!.. поминай Ваньку, какъ звали!..

— О-ой!.. Кто же поминать-то тебя станетъ?.. Вотъ... подходитъ... Понимаешь, подступаетъ...

— А ты вылѣзай на солнце... Хочешь? я подсоблю...

— Нѣтъ, подожди... Мнѣ и такъ душно... жжетъ!.. Кабы промочить... Вода безъ пользы... назадъ воротить...

Эхъ, хоть-бы рюмочку!.. Хоть-бы полрюмочки!.. Въ головѣ помраченіе... Вотъ... вотъ... летаютъ!.. сизые... зеленые!.. Тьфу!.. Зачѣмъ?.. Безприходные... Пошли вонъ!.. Я въ приходъ, въ приходъ желаю... Давай попа!.. Тьфу!.. О-ой!.. О-охъ!..

Ванька наклонился къ водомоинѣ, откуда шелъ горячечный бредъ товарища и, покачавъ головой, продолжалъ разсужденіе:

— Опять забредилъ... Ну что-жъ подѣлаешь?.. Ужъ видно—конецъ... Такая наша линія... Много о насъ говорятъ и пишутъ, сожалѣнія высказываютъ... Эхъ, вы, люди-мыслете!.. Сладкія ваши рѣчи!.. любо-два послушать... Языками по писанію размузыкиваете!.. А вотъ человѣкъ пропадаетъ, какъ скотина... Никто выручки не далъ... И сколько насъ безприходныхъ такъ-то вотъ гибнетъ!.. А вы языками въ книгахъ да въ газетахъ медъ разливаете... По усамъ текло... Нѣтъ, ты лучше молчи, какъ рыба, да пріюти насъ безпріютныхъ... Ты дѣломъ докажи, что ты есть человѣкъ, что ты есть христіанинъ, что ты есть пастырь!.. „Безприходные“— да почему, позвольте спросить мы безприходные, а?.. Почему мы, аки волки хищные, по полямъ да по лѣсамъ слоняемся, отъ взоровъ человѣческихъ прячемся, въ водомоинахъ обитаніе имѣемъ?.. Потому, что у васъ сердце каменное... Въ каменныхъ домахъ живете, сами окаменѣли... Вотъ мы были прихожанами... перешли въ городъ... свихнулись... Что же насъ поддержалъ приходъ?.. Какже, приходъ любить взять, а человѣка, своего члена-собрата поддержать онъ не умѣетъ, не желаетъ... Что это за приходъ? что за церковь?.. Нѣтъ, вотъ то бы называлась церковью Христовою, ежели бы она своихъ членовъ отъ погибели предотвращала, ежели-бы свихнувшихся подъ свое крыло, какъ мать, принимала да обозрѣвала, да урезонивала, да изъ водомоинъ вынимала, да отъ бѣлой горячки излѣчивала...

А то пустила насъ на произволь судьбы, и бѣды ей мало: „вы, дескать, безприходные; васъ тутъ нынче много шляется, и вещи пропадаютъ..“ Вещей жалко... старыя калоши пропали... а вотъ люди гибнуть, такъ это ничего... Эхъ ты, ты!..

— О-охъ!.. Стой!.. Ванька!.. Кого ты костишь?.. а?.. Церковь, что-ль?.. Побойся... Что-ты, очумѣль, лѣшій?.. О-ой!..

— Я про приходъ, про этотъ самый... Тоже, вѣдь, малая церковь, поди...

— Приходъ, подлинно, долженъ быть церковью... Но развѣ приходъ виноватъ?.. Что тебѣ приходъ?.. Люди—вотъ кто!.. О-охъ!.. Лю-у-ди!.. Ваня... Чтой-то на меня давеча, словно туча надвинулась... А теперь малость отступило.., Фу!.. Погоди, устроится... все будетъ по хорошему... Царь объявилъ... значить, устроится...

— Пока-то устроится,—а мы вотъ пропадемъ...

— А мы пропадемъ... Что-жъ подѣлаешь?.. Покуда будемъ пропадать... Чтой-то, Ваня, какъ будто мнѣ полегче стало: духъ пошелъ свободнѣй.. Ваня а Ваня!

— Что?

— Давай, дружокъ, бросимъ пьянство, а?.. Помнишь, мы читали царскій манифестъ и зарокъ давали бросить, чтобы, значить къ приходу приписаться опять, а?.. Ежели ты бросишь, и я брошу...

— Ты опять, дружище, бредишь?.. Гдѣ же приходъ-то? куда приписаться? кто насъ приметъ?..

— А мы читали, помнишь?.. Какъ это: ежели-бы... Слышь, Ваня, мнѣ все легчаетъ!.. Я воды изъ черепка хлыстнулъ, а оно и легчаетъ... отходить...

— Это, братъ, въ книгѣ. А нынче такъ: въ книгѣ—одно, а на дѣлѣ — другое. Тамъ-то написано куда какъ превосходно!.. Чтобы, значить, приходъ былъ какъ бы единица... Во главѣ выборное попечительство и священникъ, а за всѣмъ этимъ надзоръ свыше отъ духов-

наго и свѣтскаго начальства... Приходъ состоитъ изъ своихъ членовъ, какъ одно тѣло и одинъ духъ... Членъ заболѣлъ — и всему тѣлу больно: надо лѣчить; членъ ослабъ, а тѣло крѣпко; и членъ подкрѣпленіе получилъ; членъ — въ пропасть, а тѣло не пускаетъ... Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ!.. Больницы, богадѣльни, работные дома, школы и прочее подобное у прихода всегда должны работать во всю, такъ, чтобъ не было въ людяхъ никакого изъяну... А первое дѣло — церковный домъ для просвѣщенія молодому поколѣнію... И все, братъ, это только на бумагѣ, а на дѣлѣ нѣтъ и нѣтъ нигдѣ ничего подобнаго, и когда будетъ, неизвѣстно...

— Какъ, нѣтъ?..

— Ты хочешь про нашу фабрику сказать? Такъ вѣдь это одно мѣсто на всю епархію... одинъ такой приходъ счастливый оказывается на сто приходовъ... Такъ и то: двинула туда вся голь такъ, что ни проходу ни проѣзду — и получается одна тѣснота, больше ничего. Довольно ужъ было-бы на первыхъ порахъ и того, что ежели-бы насъ безприходныхъ не гнали съ насмѣшкой, не отталкивали-бы отъ себя погибающихъ... Хотя-бы помогли намъ изъ водомоинъ выбратся...

— Погоди; царское слово не пропадетъ зря...

— Эхъ, кабы-то оно поскорѣе сбылося... Кабы-то скорѣе отцы духовные проснулись... Кабы-то скорѣе у людей сердца размякли, растаяли отъ царскихъ теплыхъ словъ...

— А можетъ и будетъ... Можетъ такъ и совершится: въ природѣ повернетъ на зиму, а въ человѣческомъ сердцѣ — на лѣто!..

— Кабы-то!.. Ну что? можетъ вылѣзешь на солнце, а?.. Полегчало?..

— Нѣтъ, не могу: опять, словно въ головѣ стукъ пошелъ... круги въ глазахъ... Ей-ей, брошу пить...

— Опять?.. Эхъ-ма!..

Ванька махнулъ рукой и задумался. Августовскій день все болѣе и болѣе вступалъ въ свои права. Понизе лѣса въ лощинѣ поднялся слоями бѣлый туманъ и открылъ прекрасную панораму: то былъ городъ съ сверкающими на солнцѣ золочеными крестами и куполами церквей. Тамъ начиналась кипучая жизнь, исполненная борьбы за существованіе и еще далекая отъ того идеала, который возвѣщается міру вотъ уже тысяча девятьсотъ лѣтъ изустно и письменно.

Ванька глянулъ на эту чудную картину и, вмѣсто выраженія восторга, онъ опять съежился и потянулся.

Свящ. *Петръ Поляковъ.*

Библиотека священника.

II.

Проповѣди на нѣкоторые праздничные и воскресные дни, Проф. Прот. С. А. Соллертинскаго. С.-Петербургъ. 1903 г. ц. 1 р. ¹⁾.

За послѣднее время сильно возросла у насъ потребность въ учительномъ словѣ. А это, въ свою очередь, создало повышенный запросъ на проповѣдническую литературу. Несомнѣнно, въ отвѣтъ на него и появились у насъ многочисленные сборники различныхъ словъ, бесѣдъ и поученій. Однако, достаточно самаго бѣлаго,

---

¹⁾ Книжку можно получить въ книжномъ складѣ „Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви“, Стремянная 20.

поверхностнаго знакомства съ этими изданіями, чтобы понять, какъ они мало удовлетворяютъ даже самый невзыскательный, нетребовательный вкусъ. Все это— не слово горячее, сорвавшееся прямо отъ сердца; не рѣчи, полныя содержанія и глубокой, вдумчивой мысли, а лишь легкіе опыты въ проповѣдничествѣ, сочиненія, написанныя по школьному шаблону, часто съ неуклюжими потугами на слащавую поэзію и некраснорѣчивое витійство. Но среди пустыни современнаго проповѣдничества встрѣчаются и оазисы, на которыхъ можно отдохнуть душой. Это произведенія корифеевъ нашей русской, проповѣдической литературы, мастеровъ слова, умѣющихъ всегда красиво сочетать въ немъ художественность формы съ глубиной содержанія. Безъ сомнѣнія, къ этому, послѣднему разряду произведеній должны быть отнесены и проповѣди почтеннаго проф. прот. С. А. Соллертинскаго, вышедшія на дняхъ небольшой книжкой въ 143 стр. Здѣсь всего только 23 слова. Но если къ чему, то именно къ характеристикѣ этого изданія почтеннаго профессора всего болѣе приложима русская пословица: „малъ золотникъ да дорогъ“.

Вдохновенныя проповѣди о. Соллертинскаго вообще носятъ на себѣ печать яркаго таланта. Но особенно выгодно выдѣляются онѣ изъ ряда другихъ опытовъ проповѣдничества, во первыхъ, жизненностью своего содержанія, а во вторыхъ, оригинальнымъ построеніемъ мыслей,—большею частью живыхъ и остроумныхъ, и своеобразной установкой исходныхъ точекъ, отъ которыхъ авторъ отправляется въ раскрытіи того или другаго предмета своихъ поученій. Поэтому мы считаемъ себя въ полномъ правѣ рекомендовать многосодержательныя проповѣди проф. Соллертинскаго вниманію нашихъ читателей, преимущественно, какъ богатый матеріалъ и хорошій образецъ для каждаго проповѣдника. Дай Богъ, чтобы вообще скудная почва современнаго,

церковно-ораторскаго искусства, заполняемая часто всякими „злаками“ чухлаго творчества, почаше дарила насъ такими чудными и рѣдкими цвѣтками, какимъ является на ней въ настоящій разъ маленькая книжка академическаго проповѣдника. *П. А. Чаадаевскій.*

III.

Протоіерей Г. Дьяченко. Другъ церковнаго импровизатора. Москва 1903, 576 стр., ц. 1 р. 50 к. *Онъ-же.* Практическая симфонія для проповѣдниковъ слова Божія. М. 1903 г., 500 стр., ц. 1 р. 75 к. *Онъ-же.* Проповѣдническая энциклопедія. М. 1903 г., 808 стр., ц. 2 руб.

Въ предисловіи къ одной изъ названныхъ книгъ о. протоіерей Дьяченко вполне вѣрно проводитъ ту мысль, что постоянная проповѣдь, проповѣдь живая и общедоступная—насушная потребность нашего смутнаго и тяжелаго времени. „Несомнѣнно, говоритъ онъ, что самая высшая форма проявленія пастырскаго служенія, самый первый и важнѣйшій долгъ истиннаго пастыря есть церковное и внѣбогослужебное проповѣдничество... Идти на встрѣчу этому служенію въ формѣ живого, вдохновеннаго слова, т. е. церковной импровизаціи, столь плодотворной по своимъ послѣдствіямъ и навсегда забросить сухое, мертвящее сказываніе по тетрадкѣ схоластически построаемыхъ проповѣдей—долгъ каждаго пастыря“. Но, чтобы напитать голоднаго, — надо хлѣбъ; такъ одинаково, — чтобы быть хорошимъ импровизаторомъ, а не пустозвономъ, надо всегда имѣть подъ руками удобный матеріаль. Помочь этому—и хочеть о. Дьяченко въ названныхъ трехъ своихъ книгахъ.

Первая изъ нихъ „Другъ церковнаго импровизатора“ заключаетъ въ себѣ до 1000 конспектовъ. Они составлены по руководству Библии, особенно новоза-

вѣтныхъ писаній, назначаемыхъ для чтенія, въ видѣ отрывковъ, преимущественно въ воскресные и праздничные дни, и примѣненные къ изъясненію какъ всѣхъ главнѣйшихъ истинъ вѣры и христіанскаго благочестія, такъ и всѣхъ главнѣйшихъ церковно-общественныхъ отношеній, въ которыя можетъ стать пастырь церкви, какъ руководитель въ религіозно-нравственномъ отношеніи вѣрующихъ. Эти большею частію краткіе конспекты или планы, представляя собою только общія схемы, намѣчающія для проповѣдника только общій ходъ мыслей, въ данномъ библейскомъ или церковномъ освѣщеніи, отнюдь не стѣсняють проповѣднической самостоятельности. Какъ ни кратки они, тѣмъ не менѣе для подготовленнаго къ пастырской проповѣди они вполне достаточны, чтобы облегчить проповѣднику рѣшеніе самыхъ трудныхъ въ его дѣятельности задачъ: 1) указать стороны, съ которыхъ удобнѣе всего разсмотрѣть предметъ и вмѣстѣ съ тѣмъ 2) дать ему самый необходимый, такъ сказать, спрессованный гомилетическій матеріаль. Самодѣятельности проповѣдника принадлежитъ все остальное—приспособленіе къ мѣсту, времени, слушателямъ, обсуждаемому событію, языку, образы, сравненія, слогъ, тонъ, чувство, настроеніе. Наши конспекты въ этой книгѣ можно сравнить съ сухимъ скелетомъ, —облечь ихъ живою плотію и кровію—задача проповѣдника. Сколь ни трудно это дѣло, однакоже оно въ высокой степени облегчается готовымъ планомъ со всѣмъ его логическимъ и вещественнымъ построеніемъ.

Такой же задачѣ служить и вторая книга „Проповѣдническая энциклопедія“. Она заключаетъ въ себѣ весь основной существенный экзегетико-гомилетическій матеріаль въ обработанномъ видѣ, именно въ видѣ плановъ, годныхъ для всякаго рода церковно-богослужебныхъ и внѣбогослужебныхъ словъ, поученій, рѣчей,

бесѣдъ и, при томъ, приспособленныхъ къ проповѣдничеству какъ по руководству евангельскихъ и апостольскихъ воскресныхъ, праздничныхъ и седмичныхъ чтеній всего года, такъ и по плану катихизическихъ, литургическихъ важнѣйшихъ церковно-историческихъ поученій и къ разнообразнымъ случаямъ пастырской практики въ личной, семейной, школьной, церковно-богослужебной, религіозно-нравственной, миссіонерской и гражданско-общественной жизни и дѣятельности христіанина.

Но извѣстно каждому священнику-проповѣднику, что для того, чтобы не утомить вниманія слушателей, а также—чтобы придать поученіямъ большую силу убѣдительности, проповѣдникъ долженъ разнообразить свою рѣчь примѣрами, сравненіями, уподобленіями, притчами, и т. д. І. Златоустъ говоритъ: „Какъ большымъ не надобно готовить трапезы однообразной и небрежно приготовленной, но должно готовить для нихъ яства разнообразныя, чтобы большой, если не захочетъ одного, взялъ бы другое, и если не найдетъ пріятнымъ это, нашелъ бы годнымъ для себя третье и, если отвергаетъ и это, принялся бы за иное какое-нибудь, и чтобы разнообразіемъ намъ побѣдить трудность и многоразличную пищу уврачевать дурное, такъ точно должно поступать и въ отношеніи къ слушанію, когда мы слабы: надобно готовить длинную рѣчь, исполненную различныхъ притчей и примѣровъ, доказательствъ и доводовъ и многого другого подобнаго, чтобы изъ всего намъ былъ удобенъ выборъ полезнаго“.

Для этой цѣли о. Дьяченко составилъ „Практическую симфонію“, гдѣ на ряду со сводомъ библейскихъ текстовъ помѣстилъ весьма много сравненій, подобій и краткихъ духовно-назидательныхъ разсказовъ, размѣстивъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Мы со своей стороны особенно рекомендовали бы духовенству „Проповѣдническую Энциклопедію“ и „Практическую Симфонію“. Пастырь-проповѣдникъ въ этихъ книгахъ найдетъ „добрыхъ и полезныхъ въ проповѣдническомъ служеніи друзей.“ R.

Редакторы: Священники { *А. Рождественскій.*
И. Миртовъ.

Печатать разрѣш. Спб. 13 сентября 1903 г. Протоіерей *Философъ Орнатскій.*

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.